

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 153–156.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 3 (72). P. 153–156.

Научная статья
УДК 001.5:339.924
doi: 10.54398/1818510X_2022_3_153

КРИТИКА ДИГИТАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРОЕКТЕ ХТУЛУЦЕН

Давыдов Игорь Александрович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Galindas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3863-3025>

Аннотация. Постгуманистическое направление в современной онтологии описывает мир в структуре числовых соотношений, которые формируют сферу сущего без человека. Элиминируя антропологический фактор из постмодернистской реальности цифры, постгуманизм репрезентирует схематичную топологию, в которой находится нечто, свойственное машине, но не человеку. Антропологическая реальность, трансформируясь в процессе рокового пути западной философии от сократического рационализма до "смерти человека", оказалась перед очередным экзистенциальным выбором: либо окончательно отречься от определяющей человека субъективности, бытия-ничто, либо аннигилироваться в потоке кодов дигитализации. Последний вариант развития событий разрабатывается в концепте "Хтулуцен" представительницы акселерационизма Донны Харауэй, утверждающей онтологию сим-поззиса, основанного на тентакулярном взаимодействии живых и неживых представителей Земли. В данном проекте человек выступает в роли компоста, приговорённого всем ходом его истории к исчезновению. Но, как и любое безапелляционное заявление, данный тезис требует критического анализа с точки зрения русской философской традиции и иных трактовок дефиниции человека. Человек, ограниченный фреймами биологии и исключительно сциентистской интерпретацией, получает лакуну в своего бытия-в-мире как относящийся к не сущему, пространственному дискурсу, но к временному, онтологическому плану бытия, по М. Хайдеггеру. Задачей Д. Харауэй является элиминация онтологической границы между человеком и сущим, трансформация человека, принадлежащего времени и субъективности, в один из онтических конструкторов, относимых исключительно к пространству объектов. Предметы сим-поззисного мирения Харауэй рассчитаны и объективированы с помощью математических методов, позволяющего преодолеть субъективность в данной онтической схеме, но невозможно преодолеть то, чего нет в онтике, но дано человеку: чувство времени и проникновения в суть вещей, видение непрочитаемого смысла, его генерация в процессе аутентичного понимания поэзии как не коллективного пространственного производства, но расширения антропологической реальности посредством искусства.

Ключевые слова: Хтулуцен, онтология, дигитальная трансформация, антропология, субъективность, сим-поззис, онтические конструкторы, хтоническое, Эмпедокл, единство, распад

Для цитирования: Давыдов И. А. Критика дигитально-биологической интеграции в проекте Хтулуцен // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 153–156. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_153.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

CRITICISM OF DIGITAL-BIOLOGICAL INTEGRATION IN THE PROJECT OF CHTHULUCENE

Igor A. Davydov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Galindas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3863-3025>

Abstract. The posthumanistic trend in modern ontology describes the world in the structure of numerical relations that form the sphere of existence without a person. Eliminating the anthropological factor from the postmodern reality of numbers, posthumanism represents a schematic topic in which there is something peculiar to a machine, but not to a person. Anthropological reality, transformed in the process of the fatal path of Western philosophy from Socratic rationalism to the "death of man", was faced with another existential choice: either to finally renounce the subjectivity that defines a person, being nothing, or to annihilate in the stream of digitalization codes. The latter scenario is being developed in the concept of "Chthulucene" by the representative of accelerationism Donna Haraway, who asserts the ontology of sim-poetry based on the tentacular interaction of living and inanimate representatives of the Earth. In this project, a person acts as a compost, condemned by the whole course of his history to disappear. But, like any categorical statement, this thesis requires a critical analysis from the point of view of the Russian philosophical tradition and other interpretations of the definition of man. A person limited by the frames of biology and exclusively scientific interpretation receives a lacuna in his being-in-the-world as belonging to a non-existent, spatial discourse, but to a temporal, ontological plane of being, according to M. Heidegger. The task of D. Haraway is the elimination of the ontological boundary between man and being, the transformation of a person belonging to time and subjectivity into one of the ontic constructs related exclusively to the space of objects. The subjects of Haraway's sim-poetic world are calculated and objectified using mathematical methods that allow overcoming subjectivity in this ontic scheme, but it is impossible to overcome what is not in ontics, but is given to a person: a sense of time and insight into the essence of things, a vision of unreadable meaning, its generation in the process of authentic understanding of poetry as not a collective spatial production, but the expansion of anthropological reality through art.

Keywords: Chthulucene, ontology, digital transformation, anthropology, subjectivity, sim-poetry, ontic constructs, chthonic, Empedocles, unity, decay

For citation: Davydov I. A. Criticism of digital-biological integration in the project of Chthulucene. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 153–156. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_153.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Теории, объективирующие антропологическую реальность через представление её в проекциях цифровой структуры, предлагают рассматривать человека в качестве объекта, трансформирующегося в состояние постгуманистического конструкта. С элиминацией из дискурса современной западной онтологии таких понятий, как душа, субъективность, воля, свобода, Бог, произошёл упадок мысли о человеке как источнике творческой энергии, не находящей своей локации в тех или иных онтических проекциях. Постгуманизм как закономерный итог движения материалистической интерпретации антропологической реальности предлагает закрыть тему человеческого присутствия. Что же рассматривается в качестве альтернативы антропологическому? Одна из альтернатив репрезентируется в работах американской активистки фем-движения, исследовательницы киборгов и создательницы дигитально-биологического проекта Хтулуцен Донны Харауэй.

Основная часть

Применяя к данному исследованию методы анализа и сравнения источников, предполагается выявление деантропологизирующей тенденции концепта Хтулуцен Д. Харауэй и его связи со всем ходом развития доминирующего метафизического дискурса. Харауэй не определяет себя в качестве постгуманиста, она заявляет о своём более радикальном разрыве с любыми антропологическими коннотациями. Вместо «оптимистичного мира», преодолевшего человека в своих постгуманистических видениях, Харауэй предлагает смотреть на человека, как на «компост». Может ли существовать этическое измерение в компосте и нужно ли вообще поднимать темы биоэтики в топике такого подхода? «Компост» – это не постгуманизм, а аннигиляция антропологического в акселерационистском движении по пути реализации «объективных» внешних сил, великого внешнего, того, что и является в мире без человека существующим «реально». Но реальным существованием наделяется только объективированная, онтическая часть мира. Возможно, снят один из насущных вопросов философии, заданных М. Хайдеггером: Почему существует нечто, а не ничто? Почему существует именно такой мир? Не потому ли, что существует человек, который видит и наделяет мир своими антропологическими измерениями. Элиминируя человека, цивилизация элиминирует и весь мир, даже и скатившийся в пропасть сим-хтонического бытия Хтулуцена. Какой смысл создавать пост и постпостгуманистические проекты вроде Хтулуцена, если его «телеологией» становится не научный дискурс Харауэй, а среда нечеловеческого? Харауэй даёт голос сим-хтоническим «тварям», но пишет всё ещё на человеческом языке, пусть и желая оставить позади весь «индоевропейский» нарратив, преследующий компостное видение своим подозрением к хтоническим стихиям.

Василий Розанов в работе «Опавшие листья» пишет: «Язычество есть младенчество человечества, а детство в жизни каждого из нас – это есть его естественное язычество. Так что мы все проходим «через древних богов и знаем их по инстинкту» [2, с. 179]. Основной индоевропейский языческий миф, реконструированный советскими учёными – представителями московско-тартуской семиотической школы Топоровым и Ивановым, повествует о борьбе двух начал в мире: небесном и земном. Бог-громовник (Перун у славян, Индра у индоиранцев) «выступал как небесный победитель хтонического противника» [4, с. 207] (Велеса-Вельяса у балтославян, Вритры у индоиранцев), метафорически изображающего распад и хаос. Небесный же огонь, молния у индоевропейских богов, наоборот, символизирует концентрацию энергии учреждения антропологической реальности, представляет собой основную космогоническую силу, придающую миру форму посредством создания вертикали движения энергии. Харауэй надеется на победу хтонических сил: «Что если трагические деяния антропоцена и мирораспределения в капиталоцене – это последние вздохи небесных богов...» [6, с. 83]. Человек смотрит на небо как на основание, первопричину бытия, бесконечность небесного запускает сам процесс трансцендирования человека в индоевропейском мифе. Даже Харауэй признаёт, что Антропос «поднимает глаза на то, на что смотрит. Антропос – это не латуровский “приземлённый”» [6, с. 236]. Становясь “приземлённым”, человек видит конечность и ограничение, соответственно, начинает различать, анализировать и впадать в иллюзию существования «материи», то есть некоей области различного, разделённого, как правило, твёрдого, по Р. Генону, дискретного, того, что возможно исчислить – *matéria secunda*. Таким образом, бесконечность при взгляде в небо, этот канал в трансцендентное, заменяется числовыми соотношениями материи, которая и не является чётко определённой субстанцией, а есть один из мифов, из рационалистических инструкций по отношению к миру, его метафизической картиной. Но Харауэй этот порядок отношения к реальности устраивает, она постулирует: «Хтонические существа возятся в многотварном гумусе, но не хотят иметь дело с уставившимся в небосвод Нотом». С детства социальные институции приучают человека к ограниченному материалистическому восприятию, но что было бы, если бы человек воспринимал реальность как тотально духовную? Если бы из языка были изъяты шаблонные паттерны, именующие мир материальными терминами? Например, школьникам рассказывали бы не про дискретно существующие тела с физикалистскими характеристиками, а про непостижимую тайну переходящей в трансцендентное поле бесконечности, в которой любое «материальное» тело представляет собой часть потока сознания, представляющего разные его уровни, от аналитического, исчисляющего до синтетического, концентрирующего энергии и смыслы. Постигание последнего уровня сознания ведёт к трансцендированию, прыжку в ничто.

Но прыжок должен быть обеспечен неким проектом будущего, экзистированием, выражаясь языком Хайдеггера и Сартра. Харауэй отрицает саму человеческую экзистенцию в её временном понимании. Человек Хтулуцена лишён будущего и должен оставаться в настоящем. Но что такое настоящее? Эта несуществующая точка, точка аннигиляции антропологической реальности, ибо основной модус человеческого бытия – это время. Без времени человек, по Кожеву, превращается в природное тождество, а в случае с Хтулуценом, в компост.

Фактически, сюжет с компостом ведёт нас к феномену монструозного, потому что «киборг не наследует культурной норме, у него нет отца, это постэдипальное существо, производящее монструозные фантазии» [6, с. 115], так красочно описанные Эмпедоклом: «Сицилийский мыслитель понимает образование животного мира как процесс, проходящий четыре стадии. На первой из них из земли появляются отдельные члены тел... На второй – в результате случайного сочетания членов возникают дисгармоничные чудовища, соединяющие в себе различные «природы», например, быки с головой человека или наоборот... На третьей стадии возникают «цельноприродные» существа... И лишь на четвёртой – возникают нормальные двуполые животные» [1, с. 95].

В логике, точнее, логосе Эмпедокла движение эволюции идёт от фрагментированных осколков тел, пропускающих из земли и разбросанных по её поверхности, до дальнейшего любовного объединения, так как во взглядах

Эмпедокла этот процесс был естественным в цикле любви, который, неизбежно, сменялся циклом ненависти, в котором элементы разбегаются друг от друга.

«При полном господстве любви стихии смешаны между собою, образуя однородную шаровидную массу - Сфайрос (шар)... Внедрение Вражды в покоящийся Сфайрос вызывает движение и дифференциацию стихий, идущие до тех пор, пока не возобладает вражда, а стихии не окажутся полностью разделёнными. После этого начинается обратный процесс, завершающийся воссозданием Сфайроса» [1, с. 94–95]. Для Харауэи уже нет повторяющихся циклов аффектирования Эмпедокла, она стремится сделать Антропоцен «тоньше» [14; 15]. Этот подход расходится с естественным ходом трансформации живых существ от хаоса разрозненных деталей к упорядоченной целостности как живых организмов, так и всего мира, объединённого силой Любви. Ненависть, оттеснённая на периферию Сфайроса во время гегемонии Любви, диалектически возрастает в мире тоже, но она преходящая, и этот вечный круговорот создаёт смысл, вносит гармонию в поток энергии жизни.

Донна Харауэи переворачивает данную картину, и вместо диалектического единства наблюдается движение по пути расщепления. Киборг – это тот дигитальный инструментарий, посредством которого происходит конституирование расщеплённой реальности.

В компосте Харауэи элиминирована не только любовь, но и ненависть, в нём победил интеллект, такая его форма как “тентакулярное мышление”. Тентакулярное мышление схоже с сетями АСТ Латура, в которых находятся scientistic факты, сайнс-фикшн, сплетённые фигуры [11; 12]. Эти СФ-объекты участвуют в сим-хтоническом мирении, где пересмотру подлежат концепты сложностной теории, например, аутопоззис. «Тентакулярное мышление» находит своё выражение в особом роде постискусства, в котором переплетаются нити объектных реалий, scientistic интерпретаций и математических формул [13]. Например, в проекте коралловых рифов, сплетённых по принципам тентакулярности, показано отсутствие границ между человеком и сущим [10]. Переплетая различные формы в клубок нового сим-поззисного мирения, художники руководствуются математикой и дигитальным измерением [8]. Данный подход к искусству ставит актуальный вопрос о человеке цифровой эры: В чём состоит отличие искусства от математики, объективного от субъективного, не поддающегося исчислению? Не является ли объективный мир проявлением некоего первопроекта?

В наследии русского философа П. А. Флоренского существует концепт органопроекции, согласно которому «первопроекты, как телесных органов, так и технических орудий, – одни и те же, и лаборатория их – в одной и той же душе» [5, с. 402].

Профессор Н. Н. Ростова продолжает эту мысль: «Тело не то, что противостоит душе, но её продолжение. Дух не только продолжает себя в теле, а тело в орудиях, но любая мысль, любое душевное и духовное явление прямо влияют на тело как на их символ» [3, с. 42].

Приведённые аргументы из теории органопроекции репрезентируют иной подход к пониманию дихотомии индивид / дивид. Если источником формирования первого в этой паре является трансцендентный уровень (душа), выступающий имманентный план бытия вплоть до механизмов, осмысленных в русле целостного духовного творчества, то основой дивиды выступает случайное сочетание линий и сил симпоззисного мирения, продолжающего движение делезианского концепта ризомы и множественности [9].

Харауэи полагает, что симпоззисное описание реальности Хтулуцена преодолевает границы аутопоззиса, приводя ряд кардинальных различий между указанными терминами. Аутопоззис и симпоззис, по Харауэи соотносятся, как «самопроизводящие границы / отсутствующие границы; организационная замкнутость / организационная открытость;... автономные единицы / сложные аморфные сущности; центральный контроль / распределённый контроль; ориентация на рост и развитие / ориентация на эволюцию...» [6, с. 227].

Исходя из данной дифференциации, аутопоззисный подход коррелирует в большей степени с концептом органопроекции, лишь в нём снимая противоречие в основаниях своей рекуррентной схемы. Бесконечное самосозидание возможно в антропологической реальности, конституированной трансцендентным началом, а не случайным сплетением СФ-фигур. «Теория аутопоззисических систем и фигура Геи стали ключевыми для формирования концепта антропоцена» [6, с. 244].

Но, формируя новый симпоззисный дискурс, Харауэи элиминирует субъективность из областей, которые не репрезентируются через механизм цифровой объективации. Например, духовные в своём основании практики индейцев навахо в симпоззисном мирении переводятся в дигитальную сферу, выражаются через числовые соотношения. Традиционные узоры на индейской утвари в концепте Харауэи показывают scientistic факт, служат некоторой аллегорией на тентакулярное мышление. «В красоте ткачества ковров изначально заложено художественное мастерство..., в результате чего образуются узоры непрерывного математического движения...» [7].

Феномен дигитальной деантропологизации на примере онтических построений Д. Харауэи представляет собой не только продолжение делезианского ризоматического концепта, понятого в своём предельном выражении как распад на элементы, их эмансипацию из антропологической структуры, но и конец западной философии, отвергнувшей попытки Канта и Хайдеггера возобновить дискурс о человеке.

В эпоху Хтулуцена формируются n-мерное нишевое пространство, называемое Терраполис. Терраполис – гомосферный пространственный проект Харауэи без будущего, «раз и навсегда покончивший с кантовской глобализирующей космополитикой и ворчливым исключительно-человеческим хайдеггеровским мирением» [6, с. 29]. На самом деле, Терраполис, представленный в виде интегрального уравнения, – это не только территория без времени, но и пример пути философии без человека, интеллекта без сознания.

Выводы

Дигитально-биологический симпоззис Хтулуцена существует в Терраполисе, но не может существовать в истории, потому что он лишён времени. Конец истории, о котором писал Кожев, интерпретируя Гегеля, выглядит ещё более монструозно у Харауэи, чем у русского философа-гегельянца. Это уже не человек, трансформировавшийся в естественное животное состояние, а питательная компостная среда в череде конфигураций тентакулярных историй Харауэи. Картина симпоззисного мира Харауэи – закономерный финал развития европейской метафизики, предавшей забвению Бытие, по Хайдеггеру. Данный мыслительный тренд успешно преодолевается в рамках современной русской философии, обозначившей в концептах синергийной антропологии С. С. Хоружего, галлюциноза Ф. И. Гиренка

новые пути развития сознания, избавленного не только от эссенциалистского дискурса, но и от крайностей нигилистического подхода.

Список литературы

1. Богомолов, А. С. Античная философия / А. С. Богомолов. – Москва : Московский ун-т, 1985. – 368 с.
2. Розанов, В. В. Апокалипсис нашего времени / В. В. Розанов. – Москва : Эксмо, 2015. – 640 с.
3. Ростова, Н. Н. Проблема человека в современной философии / Н. Н. Ростова. – Москва : Проспект, 2021. – 176 с.
4. Топоров, В. Н. Боги / В. Н. Топоров // Славянская мифология. – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 204–215.
5. Флоренский, П. А. Сочинения: в 4 т. / П. А. Флоренский. – Москва : Мысль, 2000. – Т. 3 (1). – 621 с.
6. Харауэй, Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в хтулucose / Д. Харауэй. – Пермь : Гиле Пресс, 2021. – 340 с.
7. Clinton, V. The Corn Pollen Path of Diné Rug Weaving, 2006. – URL: <http://migrations.com/blackmesa/weavingsforsale.html> (дата обращения: 20.02.2022).
8. Ginsberg, F. Rethinking the Digital Age / F. Ginsberg // *Global Indigenous Media: Cultures, Poetics and Politics* / ed. by P. Wilson and M. Stewart. – Durham, NC : Duke University Press, 2008. – P. 287–306.
9. Haraway, D. *When Species Meet* / D. Haraway. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2008. – 360 p.
10. Wertheim, M. Crochet Coral Reef: A Project by the Institute for Figuring / M. Wertheim, C. Wertheim. – Los Angeles : IFF, 2015. – P. 29–36.
11. White, R. *The Roots of Dependency: Subsistence, Environment, and Social Change among the Choctaws, Pawnees, and Navajos* / R. White. – Lincoln : University of Nebraska Press, 1983. – 433 p.
12. Wickstrom, S. Cultural politics and the essence of life: Who controls the water? / S. Wickstrom // Carruthers, C. (ed.). *Environmental Justice in Latin America: Problems, Promise, and Practice*. – Cambridge, MA : MIT Press, 2008. – 329 p.
13. Willink, R. Weaving a world: Textiles and the Navajo way of seeing / R. Willink, P. Zolbrod. – Albuquerque, NM : Museum of New Mexico Press, 1996. – 132 p.
14. Zalasiewicz, J. Are we now living in the Anthropocene? / J. Zalasiewicz // *GSA Today*. – 2008. – Vol. 18, № 2. – P. 4–8.
15. Zalasiewicz, J. When did the Anthropocene begin? A mid-twentieth century boundary level is stratigraphically optimal / J. Zalasiewicz // *Quaternary International*. – 2015. – Vol. 383. – P. 196–203.

References

1. Bogomolov, A. S. *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy]. Moscow: Moscow State University; 1985, 368 p.
2. Rozanov, V. V. *Apokalipsis nashogo vremeni* [The Apocalypse of our time]. Moscow: Eksmo; 2015, 640 p.
3. Rostova, N. N. *Problema cheloveka v sovremennoj filosofii* [The problem of man in modern philosophy]. Moscow: Prospekt; 2021, 176 p.
4. Toporov, V. N. Bogi [Gods]. *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic mythology]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1995, vol. 1, pp. 204–215.
5. Florenskij, P. A. *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Mysl; 2000, vol. 3 (1), 621 p.
6. Haraway, D. *Ostavayas so smutoj: Zavodit sorodichej v htulucene* [Staying with the turmoil: To have relatives in Chtulucene]. Perm: Gile Press; 2021, 340 p.
7. Clinton, V. *The Corn Pollen Path of Diné Rug Weaving*, 2006. Available at: <http://migrations.com/blackmesa/weavingsforsale.html> (accessed: 20.02.2022).
8. Ginsberg, F. Rethinking the Digital Age. *Global Indigenous Media: Cultures, Poetics and Politics*. Ed. by P. Wilson and M. Stewart. Durham, NC: Duke University Press; 2008, pp. 287–306.
9. Haraway, D. *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2008, 360 p.
10. Wertheim, M., Wertheim, C. *Crochet Coral Reef: A Project by the Institute for Figuring*. Los Angeles: IFF; 2015, pp. 29–36.
11. White, R. *The Roots of Dependency: Subsistence, Environment, and Social Change among the Choctaws, Pawnees, and Navajos*. Lincoln: University of Nebraska Press; 1983, 433 p.
12. Wickstrom, S. Cultural politics and the essence of life: Who controls the water? Carruthers, C. (Ed.). *Environmental Justice in Latin America: Problems, Promise, and Practice*. Cambridge, MA: MIT Press; 2008, 329 p.
13. Willink, R., Zolbrod, P. *Weaving a world: Textiles and the Navajo way of seeing*. Albuquerque, NM: Museum of New Mexico Press; 1996, 132 p.
14. Zalasiewicz, J. Are we now living in the Anthropocene? *GSA Today*. 2008, vol. 18, no. 2, pp. 4–8.
15. Zalasiewicz, J. When did the Anthropocene begin? A mid-twentieth century boundary level is stratigraphically optimal. *Quaternary International*, 2015, vol. 383, pp. 196–203.

Информация об авторе

Давыдов И. А. – аспирант.

Information about the author

Davydov I. A. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 31.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 31.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.